

Мартьянов Денис Сергеевич

СТРУКТУРА КОЛЛЕКТИВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье затрагиваются методологические проблемы исследования феномена коллективного политического сознания. Дается обзор основных традиций и подходов, изучающих политическое сознание, и связанных с ними противоречий. Рассматриваются концепты "политическое сознание" и "общественное мнение". Анализируются достоинства и недостатки реалистско-социологического подхода в исследовании коллективного сознания, а также подход Н. Элиаса и категория "групповости" Р. Брубейкера. Особое внимание уделяется категории "сознательность".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. I. С. 107-110. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

REALIZATION OF POWER OF INSTITUTING CRIMINAL PROCEEDINGS BY PROSECUTOR

Martynyuk Mikhail Viktorovich
Siberian Federal University
blackjesuzz@mail.ru

The author analyzes the legislative changes in the Criminal Procedural Code of 2007 and 2010 that affected the powers of the prosecutor in criminal proceedings. In this study the researcher relates the prosecutor's powers at the pre-trial stages of the process, in particular at the stage of instituting criminal proceedings, with his/her procedural position and assigned role. According to the results of the work the author concludes on the need to expand the powers of the prosecutor at the stage of instituting criminal proceedings and to grant him/her the power of instituting criminal proceedings.

Key words and phrases: prosecutor; prosecutor's supervision; criminal prosecution; instituting criminal proceedings; investigator; head of investigative body.

УДК 316.75

Социологические науки

В статье затрагиваются методологические проблемы исследования феномена коллективного политического сознания. Дается обзор основных традиций и подходов, изучающих политическое сознание, и связанных с ними противоречий. Рассматриваются концепты «политическое сознание» и «общественное мнение». Анализируются достоинства и недостатки реалистско-социологического подхода в исследовании коллективного сознания, а также подход Н. Элиаса и категория «групповости» Р. Брубейкера. Особое внимание уделяется категории «сознательность».

Ключевые слова и фразы: общественное сознание; общественное мнение; политическое сознание; коллективное сознание; методология; функционализм; сознательность; номинализм; реализм; групповость.

Мартьянов Денис Сергеевич, к. полит. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
dsmaryanov@mail.ru

**СТРУКТУРА КОЛЛЕКТИВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ[©]**

Одной из проблем, связанных с социологическим исследованием коллективного политического сознания, является то, что этот феномен входит в предметное поле нескольких дисциплин, каждая из которых самостоятельно вырабатывает подходы к его изучению. Его последовательная концептуализация была произведена в рамках марксистской философии, однако измерения феномена основываются на концептуализациях, основанных скорее на психологической парадигме. В социологии эта проблема наслаивается на противоречие между номиналистской и реалистской интерпретациями более широкой категории – общества. Философский подход выглядит достаточно архаичным, не поддающимся операционализации и противоречивым с точки зрения выделения четкой структуры в контексте соотнесения с современными научными представлениями о структуре сознания. В целом, даже у сторонников умеренного социологического реализма существует критическое отношение к философским представлениям об общественном сознании, в т.ч. в гегельянском смысле как о «душе общества» («*anima collectiva*», «*group mind*») [13, с. 18].

Целью данной статьи является выделение основных проблем, связанных с методологией изучения политического сознания, анализ имеющихся подходов и определение векторов дальнейшего изучения этого феномена.

Номиналисты и психологи исходят из того, что в реальности общество является совокупностью индивидов, а коллективное политическое сознание следует измерять как совокупность индивидуальных сознаний. Слабой стороной психологического подхода является то, что игнорируя философское прошлое категории, он не предлагает взамен столь же проработанной своей дефиниции. Структура политического сознания в психологии лишена системности даже на уровне индивидуального сознания. Впрочем, как правило, при более точной концептуализации психологи и социологи-номиналисты используют термин «общественное мнение», иногда отождествляющийся с «общественным сознанием».

Политическое сознание и общественное мнение. В то же время заметны успешные попытки разграничить эти феномены. Например Г. А. Сатаров, отмечая необходимость верификации обоих этих понятий, говорит о необходимости их «аккуратного различения» [11]. Общественное мнение согласно этому подходу является лишь вершиной айсберга, которым выступает общественное политическое сознание, обладающее латентной сущностью [9, с. 175]. Мнение возникает в результате социологического измерения, которое подчас и является фактором формирования самого мнения. Данная проблема была широко освещена П. Бурдьё, отмечавшим политизированность социологических исследований [3, с. 163-164].

Мнение объектно, в то время как сознание является субъектным, причем складывающимся независимо от исследователя. В то же время существующее измерение общественного мнения в определенной степени релевантно, поскольку политическое участие в большинстве случаев, даже когда исследователь приписывает актору субъектность, на деле является реакцией: голосующий всегда выбирает из имеющихся альтернатив по заданным правилам, участник массовой политической акции действует либо в рамках, которые прописывает закон, либо согласно призывам лидеров и организаторов мероприятия и т.д. Как отмечает ряд исследователей, общественное мнение является *устойчивым результатом* социальной коммуникации в отношении определенной темы, персоны и т.д. [1, с. 40]. Поэтому важнейшей проблемой здесь является воссоздание адекватных условий (на деле постановки корректных вопросов) такой коммуникации, которые позволили бы получить приблизительное представление о потенциальных реакциях в отношении носителя сознания в той или иной политической ситуации. На деле опрос в таком случае вполне эквивалентен лабораторному эксперименту.

Как отмечает ряд авторов, формирование мнений обеспечивается наличием общего понимания. «Эти общие основания и есть общественное политическое сознание» [Там же, с. 41]. Если общественное мнение можно назвать показателем, основанным на эмпирических исследованиях, то общественному политическому сознанию зачастую отводится роль чисто теоретической конструкции [Там же, с. 42].

От радикальных подходов к умеренному реализму. Именно группе исследователей, в числе которых Г. А. Сатаров и О. В. Михайлова, принадлежит заслуга серьезного прогресса в операционализации данных категорий благодаря успешному синтезу теорий Н. Элиаса, П. Бурдьё, Дж. Мида, Т. Лукмана и П. Бергера и использованию категории «диспозиции» политического сознания [8]. Благодаря их исследованиям можно с надеждой говорить о становлении третьего реалистско-социологического подхода. Обращение внимания к работе Н. Элиаса «Общество индивидов» позволяет рассматривать политическое сознание не как «совокупность», а как то, что находится за пределами индивидуального сознания, определяет его в духе социальных фактов Э. Дюркгейма. Элиас настаивает на том, что необходимо преодолеть обусловленное рассмотрением сознания как явления, относящегося к конкретному индивидуальному телу, представление о сознании как об изолированном феномене [13, с. 17].

Важным является то, что функционализм Элиаса, рассматривавшего сознание именно как результат взаимосвязи функций, которые благодаря взаимодействию людей образуют общество [Там же, с. 32], представил возможность выйти за рамки сенсуалистско-бихевиоралистской логики, предполагающей рассмотрение не самого сознания, а лишь его «входов» и «выходов» с четкой ориентацией не на изучение самого сознания, а на анализ политического поведения. В таком ключе любой анализ структуры политического сознания шел поперек сложившейся парадигмы.

Функционализм открывает возможность именно для возвращения к философскому концепту для уточнения структуры. Так в работе О. В. Михайловой уже заметен вектор выделения в структуре общества более компетентных и менее компетентных в политике респондентов, заметно стремление учитывать элиту как фактор формирования общественного сознания [8]. Однако, если при изучении коллективного политического сознания общества (в смысле теннисовского *Gesellschaft* или индивидуализированного общества), этого различия было бы более или менее достаточно, то для исследования сообществ [7], в которых структура имеет более решающее значение, едва ли можно удовлетвориться лишь фактором компетентности, оставляя за рамками фактор интегрированности.

Вторым недостатком такого подхода является то, что «коллективное *бессознательное*» рассматривается авторами как часть общественного *сознания* [11, с. 16], что, как нам кажется, неверно (см: [6, с. 63-66]).

Третьим критическим моментом, который следует отметить, является то, что хотя исследование О. В. Михайловой способствовало развитию социологической методологии в плане операционализации политического сознания, проблем концептуализации оно окончательно не решило. Так сама Михайлова на тот момент еще в некоторых местах исследования сводила политическое сознание к массовому (см. напр.: [9, с. 174]), что, учитывая, как сложившуюся в философии структуру, так и чисто логическое противопоставление масс элитам, которые тоже являются частью общества, не говоря уже об аспектах трансформации феномена масс в современном обществе [5, с. 117], не корректно. Впрочем, такая ошибочная трактовка достаточно распространена [10]. Она еще более усугубляется, когда массовое сознание сводится к общему сознанию (см. напр.: [11, с. 14]).

Нерелевантным представляется выведение определения политического сознания, обусловленное исключительно попыткой его более-менее легко операционализировать. Так, указанные авторы предлагают концепцию общественного политического сознания как *структуры описания* разнообразия индивидуальных мнений и связанных с ними диспозиций на политические темы [1, с. 42]. Однако такое видение, с одной стороны, снова нас уводит от сложившейся философской традиции как теоретического фундамента, перемещает категорию политического сознания из дюркгеймовской парадигмы (объективность, социальный факт) в веберовскую (инструментальность, идеальный тип), не предлагает сколько-нибудь перспективной системной концепции целостной структуры сознания. Здесь авторы отходят от предложенной для анализа концепции Н. Элиаса, предполагавшего объяснение феномена в структурно-функционалистском ключе. Элиас стремился уйти от метафизического объяснения природы общественного сознания, а основания сознания видел в анализе структуры самого общества. С другой стороны, такая трактовка сознания (совокупность комплексов общепонимаемой дешифровки смыслов) существенно мало отличается от прежнего понимания сознания как отражения, хотя уже в рамках исходившего из материалистического детерминизма

марксистского подхода были попытки расширить рамки определения сознания как «отражения бытия» за счет учета функции «выражения отношения», т.е. активного воздействия [12, с. 47].

Произведя теоретический анализ, мы предложили свое определение политического сознания, соответствующее современным представлениям науки и нацеленное на компромисс в рамках противостояния номинализма и реализма. Согласно этому подходу, *коллективное политическое сознание представляет собой такую характеристику субъектности, которая способна на основе имеющегося опыта продуцировать обусловленные причинами легитимные для коллективного субъекта политические оценки, а также рациональные (контролируемые субъектом) идеи и действия* [6, с. 61].

Важный фактор, который необходимо учитывать в исследованиях политического сознания помимо «компетентности» – степень интегрированности индивида в общество (не только его установки, но и отождествление себя с обществом, идентификацию себя в отношении доминирующих социально-политических групп). Здесь имеет смысл обратиться к категории «групповости» Р. Брубейкера [2, с. 30], которая выражает степень солидарности индивида с другими индивидами группы. Именно такой фактор позволяет нам говорить о том, что индивид не только является частью общества, но и о том, *в какой степени он ей является*. Критерий компетентности в этом смысле не работает. Иначе закоренелые преступники, знающие закон, как правило, лучше добродетельных граждан, и, следовательно, обладающие большей компетентностью, имели бы и большую степень групповости (что, разумеется, совсем не так). «Компетентное общество» с преобладающими в нем социальными дисфункциями, ведущими к аномии или победе «животного» в *homo duplex* [4, с. 79] вряд ли будут проявлением *общественного* политического сознания, так же, как вряд ли имеет смысл настаивать на квалификации девиантного поведения как продукта общественного сознания (в том, разумеется случае, если девиация не становится легитимной нормой).

Групповость может быть измерена в категориях идентификации своего социального статуса в сообществе в сравнении с другими статусами, адекватности индивидуального сознания групповому, или, что сложнее, но надежнее, в категориях «сознательности». Сознательность, в свою очередь, предполагает степень развитости Сверх Я, уровень социализации. Высокая сознательность индивидов должна соответствовать высокой степени групповости между ними. Категория сознательности, которая требует более детальной теоретической проработки, выходящей за рамки марксистской парадигмы, у Элиаса предполагает формы «самоконтроля человека в рамках его взаимосвязей с другими людьми и отношений к вещам» [13, с. 58]. Сознательность как приверженность группе не является чисто рациональной категорией (сознательный человек выходит за рамки человека экономического). Таким образом, перспективы изучения политического сознания состоят в ревизии категории «сознательности».

За рамками дискуссии мы оставляем вопрос о том, каковы рамки именно *политического* сознания, а также вопрос об уместности деления общественного сознания на его формы (религиозное, правовое и т.д.). Хотя эти вопросы и являются крайне важными, они связаны скорее с *концептуализацией*, нежели непосредственно с вопросами *измерения* политического сознания.

Изучение структуры общества как вектор развития теории и методологии общественного политического сознания. Выход, таким образом, видится в использовании в качестве базового критерия не т.н. «элементов политического сознания», которые не дают сколько-нибудь четкого, исчерпывающего представления обо всей структуре политического сознания (то есть через призму общественного мнения [9, с. 175]), а в соответствии со структурой самого общества.

Марксистская школа произвела наиболее серьезные попытки структурировать общественное политическое сознание. Среди таких исследований следует выделить работу А. К. Уледова, в которой он произвел анализ общественного сознания по ряду критериев: по уровням, видам, сферам, типам и состояниям. Наиболее удачно структурирование сознания через гносеологический критерий (что логично при определении сознания через категорию «познания» как «отражения»), предполагающее два *уровня* общественного сознания: обыденное и теоретическое. Обыденное сознание (наряду с которым иногда выделяют массовое сознание), обусловленное эмпирическими условиями бытия индивидов, лишено системности. Факты классифицируются лишь по внешним признакам. Теоретическое сознание, к которому относится и марксистская методология, является системным и выражает сущность общественных явлений [12, с. 44–45].

Выделение *видов* сознания (или форм, как их называют другие исследователи-марксисты) вряд ли имеет прямое отношение к внутренней структуре общества. А. К. Уледов выделяет нравственное, политическое, правовое, религиозное, эстетическое, философское сознание. Также, пытаясь преодолеть свойственный марксистской школе экономический детерминизм, Уледов старается концептуализировать экономический вид сознания. То же самое касается *типов* сознания, обусловленных общественно-экономической формацией. Даже оставляя за рамками критику идеи формаций, которая легко обходится за счет перевода типологии в плоскость исторических типов сознания, характерных для конкретных эпох, очевидно, что и здесь речь не идет о внутренней структуре сознания. Также сложно включить в нее и *состояния* сознания, которые означают те или иные идеи и взгляды, занимающие доминирующее положение в сознании, благодаря тому, что господствующий класс навязывает их обществу (религиозные идеи в Средневековье, экономический рационализм современного общества и т.д.).

Структурирование общества по гносеологическому критерию более или менее соответствует измерению компетентности, однако в остальном при всей глубине проработки вопроса марксистской школой и полезности самой идеи структурирования сознания, его анализ не актуален для современной науки.

В то же время изучение структуры общественного политического сознания вполне осуществимо, если взять за основу исследования структуры самого общества, основанное на подходах Элиаса и Брубейкера. При этом важно понимать, что общество в целом (как современное, так и вообще) не является «массой». Следовательно, необходим более скрупулезный анализ его структуры (в т.ч. связей внутри него) как фактора формирования его сознания.

Также необходима работа в более четком выделении «сознательных» элементов коллективной психики и «бессознательных» ее элементов. В качестве отправной точки такого разграничения может быть взято марксистское деление сознания на «идеологию» и «психологию», однако, несомненно, что здесь в большей степени требуется интеграция социологии и психологической науки.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1) в современной отечественной социологии наметился переход к более адекватному применению реалистской парадигмы изучения общественного политического сознания;

2) в реалистских интерпретациях по-прежнему доминирует представление о коллективном сознании как отражении бытия в духе материалистического детерминизма. В этом свете более логичным кажется рассмотрение сознания через категорию «субъектность»;

3) субъектность сознания, его реальность, не предполагает крайнего реализма в объективно-идеалистском ключе. Изучение сознания требует использования структурно-функционального метода, который предполагал бы системное исследование сознания общества как функционального единства;

4) исследование структуры общества должно детерминировать изучение коллективного сознания. Структура сознания включает в себя, с одной стороны, как сознание «масс», так и сознание элиты, и с другой стороны, гораздо более тонкие градации между двумя этими категориями;

5) важным фактором для изучения коллективного сознания групп с высокой интеграцией должно стать измерение групповости сообщества через измерение рангов идентичностей индивидов.

Список литературы

1. **Благовещенский Н. Ю., Михайлова О. В., Сатаров Г. А.** Структура общественного политического сознания // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 40-58.
2. **Брубейкер Р.** Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
3. **Бурдые П.** Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
4. **Зарубин В. Г., Мартянова Н. А.** Концепция структурного функционализма Роберта К. Мертона. СПб.: Легион, 2010. 157 с.
5. **Мартянов Д. С.** Анонимность как политическая ценность киберкультуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38). Ч. 3. С. 116-119.
6. **Мартянов Д. С.** Политическое сознание, политическое бессознательное и политическая психика: ревизия подходов к структуре и определению // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 3. С. 57-69.
7. **Мартянов Д. С.** Практика взаимодействия интернет-сообщества и политических акторов в современной России: дисс. ... к. полит. н. СПб., 2007. 214 с.
8. **Михайлова О. В.** Диспозиции политического сознания: теоретико-методологические подходы и опыт эмпирического исследования в современном российском обществе: дисс. ... к. полит. н. М., 2005. 149 с.
9. **Михайлова О. В.** Политическое сознание граждан на постсоветском пространстве: опыт социологического исследования // Политика. 2003. № 2. С. 174-188.
10. **Назаров М. М.** Типы политического сознания (Москва, середина 1991 г.) // Социологические исследования. 1992. № 6. С. 64-71.
11. **Сатаров Г. А.** Общественное мнение и общественное сознание: реальность и миф // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 5-23.
12. **Уледов А. К.** Структура общественного сознания: теоретико-социологическое исследование. М.: Мысль, 1968. 330 с.
13. **Элиас Н.** Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. 336 с.

STRUCTURE OF COLLECTIVE POLITICAL CONSCIOUSNESS AS A METHODOLOGICAL PROBLEM OF RESEARCH

Mart'yanov Denis Sergeevich, Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor
Saint Petersburg State University
dsmartyanov@mail.ru

The article deals with the methodological problems of the research of the phenomenon of collective political consciousness. The author gives a review of the basic traditions and approaches exploring political consciousness and contradictions related to them. The paper considers the concepts “political consciousness” and “public opinion”. The author also analyzes the advantages and disadvantages of realistic-sociological approach to the study of collective consciousness. The article examines N. Elias’s approach and R. Brubaker’s “category of group”. The category “consciousness” is explored.

Key words and phrases: public consciousness; public opinion; political consciousness; collective consciousness; methodology; functionalism; consciousness; nominalism; realism; group.